

Meilutė Ramonienė (moksl. redaktorė), *Miestai ir kalbos*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2010. 321 p., ISBN 978-9955-33-634-1.

Коллективная монография, выпущенная издательством Вильнюсского университета в 2010 г., является результатом трехлетнего научного проекта *Использование языков и национальная идентичность в крупных городах Литвы* (“Kalbų vartojimas ir tautinė tapatybė Lietuvos miestuose”), проведенным совместными усилиями нескольких организаций: кафедрой литуанистики Вильнюсского университета (организатор), Институтом литовского языка, университетом Витаутаса Великого, при участии зарубежных консультантов из Бристоля и Сиены. Целью проекта являлся анализ языкового поведения жителей трех крупнейших литовских городов — Вильнюса, Каунаса и Клайпеды, с учетом не только функционирования разных языков (в основном литовского, русского и польского), но и литовских диалектов. В задачи проекта входило:

1. исследование языка семейного общения жителей больших городов; количественное исследование языка детей 8–10 лет для определения дальнейшего развития языковой ситуации;
2. проведение статистического исследования взрослого населения больших городов для установления выбора языка в различных коммуникативных ситуациях;
3. проведение качественного исследования знания языков по сферам работы и этнической принадлежности выбранных групп респондентов.

В основу исследования лег разработанный в Тилбурге (Голландия) вопросник, в который были внесены изменения, отражающие специфику социолингвистической ситуации Литвы, в частности, включены вопросы, касающиеся принадлежности к той или иной этнической группе, выбора языка в зависимости от коммуникативной ситуации (собеседника), вопросы о языковых навыках, об изучении языков, в первую очередь, английского как основного иностранного языка, о влиянии СМИ на формирование языковых предпочтений и компетенций. Вопросник был составлен на трех основных языках: литовском, польском и русском, и представлен в двух отдельных вариантах: для детей и для взрослых.

Вопросник для детей предполагал ответы на вопросы общеинформативного характера (возраст, пол, место рождения, включая сведения о родителях, и др.), а также на вопросы о школе, используемых языках, языковых предпочтениях, знании языков и выборе СМИ в зависимости от языковых навыков. Вопросник для взрослых включал следующие блоки вопросов: информация о респонденте (место рождения респондента и его родителей, национальность и т.д.), информация о родном языке и знании языков, репертуар используемых языков, использование языков в разных коммуникативных ситуациях, смена кодов, отношение к языкам и их изучению, отношение к диалектам и их использованию, другая информация о респонденте (семейное положение, занятия и др.), вопросы о реальном использовании языков респондентом во время опроса.

Монография состоит из двух частей. В первой части [с. 10–187] представлены результаты исследования знания и использования отдельных языков: государственного (литовского) языка, а также языков крупнейших групп национальных меньшинств: русского (в Вильнюсе 14%, в Каунасе 4,4%, в Клайпеде 21,3%) и польского (в Вильнюсе 18,9%, в Каунасе 0,4%, в Клайпеде 0,4%). Во второй части [с. 187–213] представлены социалингвистические портреты трех крупных литовских городов — Вильнюса, Каунаса, Клайпеды.

В статье Лореты Вилькене (*Loreta Vilkienė. Daugiakalbystė didžiūsiose Lietuvos miestuose*, с. 27–68) даются определения таким основным понятиям социалингвистики, как *билингвизм*, *полилингвизм*, *родной язык*, *иностраный язык*, *чужой язык*, рассматриваются также понятия *язык-приемник* и *язык международного общения*. Автор приводит классификацию явлений билингвизма и полилингвизма. Интересной и важной является представленная краткая характеристика аспектов политики полилингвизма, проводимой Европейским Союзом [с. 32–35]. Выделяется несколько основных направлений: пропаганда родного языка, призывы к изучению иностранных языков, понимание многоязычия как гаранта социальной согласованности (*socialinės darnos garantas*), внедрение полилингвизма в бизнес и сферу услуг, развитие переводческой деятельности, полилингвальный диалог институтов ЕС с гражданами. В статье приводятся данные исследований соотношения *национальность : родной язык*, владения литовским языком представителями других национальностей, знания русского и польского языков представителями национальных меньшинств, отношения представителей национальных меньшинств к государственному языку (*важно/неважно*), а также знания иностранных языков (английского, немецкого, французского) всеми респондентами в исследуемых городах и отношения к английскому и русскому языкам в практическом плане (*нужно учить/не нужно учить*). Статья важна в том отношении, что, кроме определений основных терминов, в ней вводится понятие *языка-приемника* (*priimtinė kalba*), а также дается краткая история появления и развития этого понятия и рассматривается возможность его использования в литовских реалиях.

Лайма Каледене (*Laima Kalėdienė. Lietuvių perspektyva Lietuvos miestuose*, с. 71–89) анализирует шесть вопросов: 1) признание литовского языка как родного (первым или любым другим); 2) самоидентификация (включение в литовскую/другую национальную группу); 3) степень владения литовским языком; 4) использование литовского языка как языка обучения в школе; 5) использование литовского языка в различных сферах жизни; 6) отношение к литовским говорам. Большое внимание в статье уделяется использованию литовского языка в различных коммуникативных ситуациях: в повседневной жизни (разговорная и письменная речь, чтение книг, журналов, просмотр телепередач, прослушивание радио), в общественном пространстве (общение с соседями, друзьями и знакомыми, в сфере услуг, с медицинским персоналом, с начальством и подчиненными), на работе (при общении с сотрудниками, начальством, клиентами;

использование устной и письменной речи). Все данные представлены в двух таблицах — общей для Вильнюса и Клайпеды и отдельной для Каунаса. Это обусловлено различной социологической ситуацией: Каунас является более однородным с точки зрения национального состава, так как там проживает меньше представителей национальных меньшинств (по данным переписи населения 2001 г., среди жителей Каунаса литовцы составляют 93%, русские — 4%, поляки — 0,4%), в то время как в Вильнюсе и Клайпедо ситуация иная (в Вильнюсе: литовцы — 57,5%, поляки — 19%, русские — 14%; в Клайпедо: литовцы — 71,3%, поляки — 0,4%, русские — 21,3%).

Вопросы знания и использования литовских говоров и отношения к ним в крупных городах Литвы рассматриваются в статье Регины Клюкене (*Regina Kliukienė. Tarmės mieste: mokėjimas, vartojimas ir kalbinės nuostatos*, с. 91–105). Автор приводит данные по слуховому восприятию говоров, оценку респондентами своего знания диалектов и степень желанья изучать говоры. Приведенные в таблицах данные позволяют сделать предварительный вывод, что монолингвальная языковая среда в крупных городах отрицательно влияет на сохранение диалектов. В Каунасе меньше всего знают говоры (38%) и не хотят их знать (33%), только 17% респондентов не знает, но хочет выучить, 11% — равнодушны к данной проблеме, тогда как в Вильнюсе 44% респондентов знают диалекты, 26% — не желают их знать, 22% — желают знать, 8% — равнодушны к ним; в Клайпедо ситуация похожа на вильнюсскую: 51% знающих, 22% — не желающих знать, 14% — желающих выучить и 13% — равнодушных. В остальных местностях Литвы 76% знающих диалект, 11% — не знающих и не желающих знать, 7% — желающих выучить и 6% равнодушных. Автор делает вывод, что знание говоров распространено преимущественно в маленьких городах и деревнях. Отмечается, что знание диалекта является отличительной чертой, позволяющей выделиться на фоне литовского литературного языка. В статье приводятся данные о языковых ситуациях, в которых респонденты используют говоры (в повседневном и официальном общении). Интерес представляет также информация об отношении жителей крупных городов к говорам: подавляющее большинство респондентов согласны с тем, что диалекты являются наследием, которое надо сохранять и передавать детям, чтобы литовский литературный язык обогащался за счёт говоров. Лишь малая часть опрошенных указала, что говоры несовместимы с современным образом жизни.

Отношение русскоязычного национального меньшинства к литовскому государству рассматривается с учетом места рождения респондентов, их национальной самоидентификации, однородности браков, степени образованности и выбора школы для детей в статье Елены Бразаускене (*Jelena Brazauskienė. Lietuvos miestų rusų diasporos portretas*, с. 107–122). Основное внимание в ее статье сосредоточено на проблемах знания и использования родного, а также литовского (государственного) языка, литовских диалектов, иностранных языков. По мнению автора, русские в крупных городах знают литовский язык и интересуются им (о чём свидетельствует знание и понимание литовских диа-

лектов), но в то же время безразличны и к своему родному языку (половина респондентов отдает детей в русскоязычные школы).

В статье Аллы Лихачевой (*Ala Lichačiova. Vilniaus ir Klaipėdos rusų ir rusakalbių tapatybės savivokos ypatumai*, с. 125–151) анализируется 11 социолингвистических портретов русских и русскоязычных респондентов, определяются субъективные и объективные компоненты процесса и результата самоидентификации. К объективным компонентам А. Лихачева относит национальную принадлежность родителей, место рождения, национальный состав и язык семьи, родной язык, язык школы. К субъективным — степень владения литовским языком, оценку перспектив жизни в Литве, идентификацию и родной язык детей, культуру, с которой себя респонденты отождествляют, самоидентификацию по месту жительства, по национальности, важность национального самосознания, проблемы в связи с национальной принадлежностью и знанием государственного языка, родину. Представляется, что автор исходит из довольно противоречиво описываемого этнического определения “русский”. В исследовании к “русским” относятся респонденты по следующим критериям: сами называют себя русскими; русский язык является для них родным; один или оба родителя русский; родились в России или закончили русскую школу; к этой же группе относятся респонденты, которые не считают себя русскими, хотя по объективным параметрам должны были бы быть русскими. Трудно согласиться с тем, что решающую роль в определении национальности играют место рождения и школа; причисление к русским тех, кто не считает себя таковыми, нарушает право человека на самоопределение в этом вопросе.

В статье Кинги Гебен, посвященной языковому самосознанию, многоязычию и идентичности поляков Вильнюса (*Kinga Geben. Vilniaus lenkų kalbinė savimonė, daugiakalbystė ir tapatybė*, с. 153–173) представляются и анализируются ответы респондентов на вопросы о выборе родного языка, об оценке своих языковых навыков и оценке используемых языков. Особое внимание уделено выбору языков в повседневной жизни (анализируются ситуации, в которых респонденты отдают предпочтение литовскому, русскому, польскому, английскому или же переходят с одного языка на другой): говорят, думают, молятся, считают, ругаются, читают книги, СМИ, пишут, слушают радио, смотрят ТВ, пользуются интернетом. Не менее подробно рассмотрено общение в семье и в общественной жизни (соседи, друзья и знакомые, сфера услуг, медицинские работники, чиновники). Подводя итоги, К. Гебен делает вывод, что вильнюские поляки используют польский язык в частной жизни (при общении с членами семьи, особенно со старшими), а также в неофициальных контактах (в разговоре с соседями, знакомыми). Наравне с польским языком в неофициальных ситуациях используются также и другие языки. В то же время выросло значение литовского языка как государственного: он получил статус “самого необходимого языка” [с. 173].

Перспективы глобального полилингвизма, роль и место английского языка в Литве рассматриваются в статье Лореты Вайцекаускаене (*Loreta Vaicekauskienė*.

Globalioji daugiakalbystės perspektyva: anglų kalbos vieta ir vaidmuo Lietuvos miestų erdvėje, с. 175–203): приводятся данные по знанию и изучению английского языка в Литве, его использованию в повседневной жизни, проводится сравнительный анализ по использованию языков в разных сферах деятельности (бизнес, учёба, общественные надписи, юмор, общение с друзьями, общение с незнакомыми). Интерес представляет информация об уровне престижности языков в разных возрастных группах. Отмечается возрастание престижности английского языка в последнее время (лишь 53% респондентов старшего возраста (60+) отметили этот язык как престижный, тогда как в младшей группе (15–19 лет) его выбрало уже 65% опрошенных), в то же время падает уровень престижности русского языка: с 9,5% у старшего поколения до 3,1% у младшего. Тенденции престижности немецкого и французского языков (3,7% — 10,1% для немецкого и 9,5% — 21% для французского) проследить сложно. Наибольший интерес вызывает снижение престижности литовского языка: от 31,3% у старшего поколения до 17,9% в группе 20–29 лет, хотя в группе 15–19 лет наблюдается рост до 21,2%. По мнению автора статьи, это может быть связано с тем, что респонденты не учитывали родной язык при оценке престижности языков. Однако можно, вероятно, искать причины снижения престижности в другом, а именно, в общих социально-экономических проблемах страны и в разочаровании в самореализации.

Во вторую часть монографии вошли три статьи, представляющие социолингвистические портреты крупнейших литовских городов. Статьи сходны по структуре и отражают результаты исследования по следующим пунктам:

1. самоидентификация респондентов (выбор национальной принадлежности),
2. выбор родного языка (или языков), оценка навыков владения (речь, письмо, чтение) одним или несколькими родными языками,
3. использование русского и польского языков в соответствующих группах нацменьшинств в семейном общении,
4. знание и использование литовского языка,
5. знание и использование литовских диалектов,
6. выбор языка при общении с представителями других национальностей,
7. знание иностранных языков (какие языки, в каком количестве, на каком уровне).

В статьях приводятся исторические справки, показывающие особенности формирования и развития описываемого города, его языковой и социальной среды, приводятся основные статистические данные по численности и составу населения.

Интерес представляют данные о наличии у респондентов из Вильнюса, представляющих национальные меньшинства, акцента в их литовской речи и об отношении к нему [с. 222–223], а также данные об использовании разных языков в разговорах с представителями других национальностей, о знании и

использовании диалектов литовского языка (Вильнюс: [с. 225–227]; Каунас: [с. 244–246]; Клайпеда: [с. 264–265]).

Подводя итоги, авторы монографии отмечают, что проведённое исследование доказало полилингвальность литовских городов; это, согласно новейшим западным теориям, является более естественной ситуацией, чем монолингвизм. Проведенный анализ впервые представил наиболее полную на сегодняшний день картину языковой ситуации в быстроразвивающихся литовских городах, разнообразие существующих языковых моделей и их смену под влиянием политических и экономических факторов. Авторский коллектив отмечает возросшую роль государственного литовского языка, а также различия в отношении к русскому и английскому языкам как к языкам международного общения.

Данный сборник, несомненно, будет интересен специалистам по социолингвистике, социологам и всем, кого интересует положение и соотношение языков в современной Литве как в государстве, сравнительно недавно пережившем кардинальную смену социально-политических ориентиров. В книге приведено большое количество данных, таблиц и графиков, которые наглядно демонстрируют языковые особенности страны, а также представлен глубокий анализ этих данных. По нашим данным, это первая попытка комплексного социолингвистического исследования основных групп национальных меньшинств и титульной нации, их взаимодействий и взаимоотношений в языковой области.

E-mail: marija.konickaja@gmail.com

Мария Коницкая
Москва